

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94 (47) 084.8/084.9

СОВЕТСКИЙ СУД НА ЗАЩИТЕ СЕМЬИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА) ¹

Е. В. Долгополова

РАН, Санкт-Петербургский институт истории,
кафедра современной истории России, *Санкт-Петербург, Россия*

Статья посвящена деятельности советской судебной системы по упрочению института брака в середине 1940-х – начале 1950-х гг. на примере Ленинграда. В это время особенно сильным оказалось влияние государства на вопросы семьи и брака, а суд стал удобным инструментом в руках власти. На основе привлеченных архивных материалов автор анализирует участие судебных органов в разрешении гражданских и уголовных дел, затрагивающих основы брака. В статье сделан акцент на воспитательном компоненте этой работы. Автор приходит к выводу, что советский судья оказался в таких правовых и идейно-мировоззренческих условиях, что не только не смог исполнять свою функцию «защиты семьи» без оглядки на партийные и вышестоящие ведомственные органы, но и сам оказался на положении угнетенного права свободы совести.

Ключевые слова: *советская судебная система, Ленинградский городской суд, народный судья, Управление Министерства юстиции по г. Ленинграду, советская семья.*

Понятие государственной защиты семьи прочно входило в основополагающие принципы Советского государства. Внешне её ассоциировали с помощью государства – создании благополучной социально-экономической базы расширению сети детских учреждений, организации службы быта, выплате пособий и т.д. На деле на службу этой защиты выдвигались правовые институты, из которых особое место занял суд среднего звена подсудности². Подтверждением тому служит и один из принципов советского семейного права – принцип укрепления семьи. В обосновании этого принципа здоровая семья представляется одним из факторов прочности общественного строя. По этой причине советское общество было заин-

---

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, зав. отделом современной истории России Санкт-Петербургского института истории РАН А. Н. Чистиков.

² *Тадевосян В. С. Советская семья и социалистическое право. М., 1979. С. 5.*
Tadevosyan V. S., Sovetskaya sem'ya i sotsialisticheskoe pravo, M., 1979, S. 5.

тересовано в укреплении семьи, и органы государства, партийные, комсомольские, профсоюзные и другие общественные организации и их должностные лица должны были «всемерно способствовать её упрочению»³. Эти процессы пока не получили должного освещения в современной историографии, за исключением отдельных региональных исследований⁴.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-Героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль Материнства» коренным образом поменял взгляд на совместную жизнь советских мужчин и женщин, определив только зарегистрированный брак как имеющий юридическую силу. Повышалась государственная пошлина на развод, вводилось обязательное требование публиковать объявление в местной газете о возбуждении бракоразводного процесса. Указ также заключал в себе дополнительные стимулы для повышения рождаемости: была увеличена государственная помощь беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, установлено звание «Мать-героиня». Создавались реальные механизмы для контроля над сферой брачных отношений, что отмечал ещё в 1949 г. Г. М. Свердлов⁵. Современные исследователи сходятся с ним в этом мнении⁶.

Главное же изменение, санкционированное Указом, состояло в передаче бракоразводных дел из народных судов и органов ЗАГСа в ведение суда среднего звена подсудности. Нижестоящие народные суды были уполномочены вести исключительно примирительное судопроизводство. В случае отказа сторон от примирения дело передавалось в вышестоящий суд. Таким образом, по Указу 1944 г. суд среднего звена подсудности, выступавший ранее как кассационная инстанция при разрешении такого рода вопросов, становится судом первой инстанции, где может быть впервые вынесено решение по бракоразводному делу. Таковым был и Ленинградский городской суд, на материалах судебной практики которого мы анализируем работу по укреплению семьи. Наиболее показательным для исследования вопроса нам представляется период с 1944 г., когда произо-

---

³ Тархов В. А. Советское семейное право. Саратов, 1963. С. 16.

Tarkhov V. A., *Sovetskoe semeinoe pravo*, Saratov, 1963, S. 16.

⁴ Коробейникова Н. С. Динамика разводимости в городах Сибири в годы второй мировой войны // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. С. 214–234.

Korobeinikova N. S., *Dinamika razvodimosti v gorodakh Sibiri v gody vtoroi mirovoi voiny*, Problemy istoricheskoi demografii Sibiri: Sbornik nauchnykh trudov, Novosibirsk, 2015, S. 214–234.

⁵ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 167.

Kharchev A. G., *Brak i sem'ya v SSSR*, M., 1979, S. 167.

⁶ Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М., 2014. С. 82.

Lebina N., *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura*. SSSR – ottepel', M., 2014, S. 82.

шло реальное ужесточение процедуры расторжения брака и появился правовой механизм воздействия на семью, до середины 1950-х гг.

До 1944 г. с бракоразводными разбирательствами сталкивалась только кассационная коллегия Ленгорсуда, поэтому такие судебные процессы, с приглашенными сторонами, стали новым опытом в работе судей. Помимо бракоразводных суд рассматривал и другие дела, связанные с защитой семьи и брака: алиментные, особого производства (установление родственных отношений, факта регистрации усыновления, брака, развода, рождения, смерти, состояния фактических брачных отношений). К подсудности уголовной коллегии Ленгорсуда относились преступления в виде криминального аборта.

В первые послевоенные годы суд столкнулся с небывалым ростом количества дел, поступавших по гражданской судебной коллегии. Уже в 1945 г. она получила 2 963 дела – на 80% больше, чем в 1944 г.⁷ Одними из самых многочисленных оказались бракоразводные дела: если в 1944 г. их объём составил 943 дела (57% от всех поступивших в гражданскую судебную коллегия по первой инстанции), то в 1950 г. – 5016 (84,3%)⁸. Таким образом, количество бракоразводных дел за это время выросло в 5,32 раза. Можно предположить, что такой рост связан с периодом «мирной практики» закона: Указ, вступивший в силу на завершающем этапе войны, не мог одновременно спровоцировать высокое число разводов хотя бы потому, что перед лицом общей опасности большинство семейных разногласий отступили на задний план. Всё же после окончания войны стало понятно, что не всем гражданам, связанным узами брака, удалось сохранить супружескую верность, а это приводило к разводу.

Подтверждает рост разводов и практика Верховного Суда РСФСР, выступавшего кассационной инстанцией для некоторых судов, в том числе и для Ленинградского городского. Так за первое полугодие 1946 г. по РСФСР поступило 836 дел (30,3% от общего количества принятых дел), а во втором полугодии – 1220 дел (40,2%). В Ленгорсуде в 1946 г. процент бракоразводных дел оказался выше среднего по республике: 94 (47%) из 200 поступивших в Верховный Суд гражданских кассационных дел. Тенденция к их росту сохранилась и в последующие годы: за 1951 г. в Верховный суд поступило 2 685 гражданских дел, из которых 1 382 – бракоразводные (51,5%)⁹ – по Ленгорсуду за первое послевоенное пятилетие оно возросло на 532 %.

---

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб), Ф. 1711. Оп. 1. Д. 30. Л. 4

Central State Archive of Historico-Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb), F. 1711, Op. 1, D. 30, L. 4.

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 50.

Ibid, Op. 4, D. 2, L. 50.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), Ф. А-428. Оп. 3. Д. 209. Л. 218 об.

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. A-428, Op. 3, D. 209. L. 218.

Особую озабоченность Верховный суд высказывал по поводу того, что все бракоразводные дела он получил в кассационном порядке. Ни одно судебное решение прокуратуры Московской, Ленинградской, Горьковской, Ивановской, Свердловской областей, Москвы и Ленинграда (суды, из которых поступило наибольшее количество дел) не опротестовали, хотя, по мнению Верховного суда, при рассмотрении этой категории дел судьи «допускают существенные нарушения процессуального и материального закона»¹⁰.

На суде лежала обязанность не только разрешать дела, но и выявлять мотивы, побудившие супругов к разводу. В 1949 г. ходе совместной ревизии Министерства юстиции РСФСР, Верховного суда РСФСР и УМЮ РСФСР по г. Ленинграду в Ленгорсуде проверили 300 бракоразводных дел. В 292 случаях было удовлетворено требование о разводе и в восьми – отказано. Незначительный процент отказа руководство суда трактовало как результат низкого качества работы судей: «Городской суд недостаточно серьезно подходил к изучению причин, повлекших распад семьи». Среди этих причин отмечались супружеская неверность (60 случаев), несходство характеров (65), наличие другой семьи (55), отсутствие чувств личной привязанности (50), отсутствие детей (11), возврат к первой семье (5)¹¹. Помимо мотивов истцы и ответчики были проанализированы по следующим критериям: пол, возраст, национальность, социальное положение, партийность, образование, количество заключенных браков, наличие детей, продолжительность брака. Истцами чаще выступали мужчины (62 %). Наибольшее количество разводов приходилось на возрастную категорию 30–40 лет (64,6 %). Преобладали горожане с низшим образованием (55 %), по социальному положению – «служащие» (43 %), беспартийные (76 %), не имеющие детей.

В выводах комиссии отмечалось, что решения Ленгорсуда не удовлетворяли требованиям – слишком краткие и неубедительные¹². Неубедительность тут употребляется в смысле формализованности вынесенного решения. От суда ожидали кропотливого изучения психологического портрета семьи и активной идеологической работы со сторонами, что на практике было нереализуемо. В итоге этот механизм «скрепы» только изводил распадающиеся семьи и ставил под удар репутацию суда, т.к. его работа в разрешении бракоразводных дел постоянно критиковалась как самими судьями, так и партийными и ведомственными органами. Вместе с тем рациональных предложений устранения недостатков (создание специального отдела, подготовка специалистов по проблемам семьи при суде и др.) начальство не предлагало.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-428. Оп. 3. Д. 118. Л. 78, 79, 82, 83.

GARF, F. A-428, Op. 3, D. 118, L. 78, 79, 82, 83.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 3. Д. 17. Л. 7, 8.

TsGAIPD SPb, F.1711, Op. 3, D. 17, L. 7, 8.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб), Ф. 8134. Оп. 1. Д. 77. Л. 104, 105, 106.

Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), F. 8134, Op. 1, D. 77, L. 104, 105, 106.

Суд упрекали за некачественное обобщение судебной практики по бракоразводным делам. Связано это было с нехваткой кадров, низким профессионализмом и неудовлетворительным состоянием здоровья судей. В вынесении судебного решения отсутствовала стабильность, т.е. в схожих ситуациях суд приходил к разному итогу.

Характер вынесенных замечаний говорит о том, что для ревизоров не была важна уникальность каждого конкретного дела и жизненной ситуации. Хорошая, а значит правильная работа ассоциировалась с созданием алгоритма, которому подчинялась бы вся работа.

Сами судьи объясняли низкий уровень работы по разрешению бракоразводных дел недостаточным исследованием материалов дела, тем что Ленгорсуд не требует должным образом проводить примирительное производство в народных судах, не доводит информацию до сведения партийных организаций тех учреждений, чьи сотрудники чаще всего подавали на развод (ЛГУ им. А. А. Жданова, Управление МГБ). Признавалась плохая работа канцелярии – несвоевременные вручение повестки сторонам и высылка примирительного производства из народных судов неоправданные задержки в рассмотрении заявлений (в журнале «Крокодил» появилась заметка о заявлении, пролежавшем без движения около года)¹³.

Дела особого производства по установлению юридических фактов также не были сильной стороной работы Ленгорсуда. Их разрешение требовало специальной юридической подготовки, высокой квалификации, богатой судебной практики. В 1949 г. Ленгорсуд рассмотрел 39 дел этой категории и лишь по пяти из них оставил решения в силе, а остальные передал на повторное рассмотрение¹⁴. Видимо, подобная ситуация была не только в Ленинграде, так как 7 мая 1954 г. Пленум Верховного суда СССР принял постановление «О судебной практике по делам об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан»¹⁵. Прошедшее в феврале 1957 г. общегородское совещание работников прокуратуры, милиции и народных судов было посвящено в том числе и практике Ленгорсуда по делам особого производства¹⁶, поскольку она оставалась важным направлением работы¹⁷. Выступившие отметили ряд недостатков: многие судьи подходили формально к рассмотрению дела; иногда не устанавливались лица и организа-

---

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 3. Д. 17. Л. 7.

TsGAIPD SPb, F.1711, Op. 3, D. 17, L. 7.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 89. Л. 11.

TsGA SPb, F.8134, Op. 1, D. 89, L. 11.

¹⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924–1963. М., 1964. С. 108–112.

Sbornik postanovlenii Plenuma Verkhovnogo suda SSSR 1924–1963, M., 1964. S. 108–112.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 165. Л. 14, 16.

TsGA SPb, F.8134, Op. 1, D. 165, L. 14, 16.

¹⁷ Там же. Д. 184. Л. 131.

Ibid, D. 184, L. 131.

ции, заинтересованные в исходе дела, которые в итоге не были вызваны в судебное заседание. Но опасность такого небрежного подхода заключалась в том, что серьезные ошибки часто оставались без исправления, т.к. эти дела редко рассматривались в кассационном порядке¹⁸.

Частью государственной политики ещё с 1930-х гг. становятся вопросы повышения рождаемости. Это в совокупности с усиливающимся в середине 1940-х гг. вниманием к первичной «ячейке общества» – семье, объясняет особый интерес к такой категории дел, как криминальный аборт. Несмотря на то что криминальный аборт не превосходил в количественном отношении остальные категории дел, по своей особой значимости он «стоял на контроле» руководящих органов юстиции и занимал важное место при анализе криминальной обстановки в городе, о чем можно судить по соответствующим обобщениям судебной практики Ленгорсуда¹⁹. Упоминание штрафа, а не лишения свободы, которое следовало за нарушение ст. 140 Ч.2 и Ч.3. Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. характерно для судебной практики, что установилась в послевоенные годы.

Помимо правосудной суд выполнял и воспитательную функцию. Условно можно выделить внешнюю сторону – воспитание советского гражданина в духе «социалистического общежития» путем проведения показательных судебных процессов, выездных судебных заседаний на производстве, вынесения частных определений, работы судей-агитаторов, чтения публичных лекций, пропаганды законов; и внутреннюю – поддержание дисциплины труда, осуждение недостойного (в духе времени) поведения и поступков судьи в производственной и личной жизни, повышение его «политико-идеологического» образования.

Воспитательная работа среди судей была тесным образом связана с буквой закона. В ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной ответственности судей» отмечалось, что, «воспитывая граждан в духе уважения и неуклонного соблюдения советских законов, судьи сами должны явить пример строжайшего соблюдения законов, ибо лишь в этом случае они обретают не только официальное, но и моральное право судить других»²⁰. Эта позиция «эталонного поведения судьи» поддерживалась внутри круга работников юстиции: «Задачи, предъявляемые к органам юстиции, требуют от их работников высоких душевных качеств, профессионального мастерства, безукоризненной честности, широты политических знаний, глубокой идейной убежденности»²¹.

---

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 193. Л. 2.

TsGA SPb, F.8134, Op. 1, D. 193, L. 2.

¹⁹ Основные показатели в работе Ленгорсуда за 1940 г.// Там же. Д. 6. Л. 38.

Ibid, D. 6, L. 38.

²⁰ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. Сборник документов / под. ред. С. А. Голунского. М., 1955. С. 589.

Istoriya zakonodatel'stva SSSR i RSFSR po ugovolnomu protsessu i organizatsii suda i prokuratury. 1917–1954 gg., Sbornik dokumentov, Pod. red. S.A. Golunskogo, M., 1955, S. 589.

²¹ Человек перед судом / сост. А. П. Бороданков. Л., 1965. С. 241.

Отсюда проистекало пристальное внимание не только к профессиональной компетенции, но и к моральному облику судьи.

Вообще вмешательство прежде всего партийных органов в личное пространство судьи и уверенность в правомочности этого вмешательства в рассматриваемый период велико, и было вызвано общегосударственной политикой. Открыто декларировалось, что «проверять необходимо не только работу но и поведение в быту, отношение к семье, соседям по квартире»²². Тогда под понятие «аморального» подпадали не только различные формы, но и искусственные штампы отклоняющегося поведения, которые формулировала идеология Советского государства. Аморальным было признано поведение бывшего председателя суда К.П. Булдакова, который собирался создать семью в третий раз²³. При обсуждении на партсобрании вопроса о ненадлежащем содержании ребенка одной из судей выяснилось, что «никто не указал ей на плохое отношение к ребенку». Впрочем, было решено считать конфликт исчерпанным «теми проверками, которые партбюро провело через коллектив»²⁴. В другом случае Ленгорсуд был обвинен ревизорами в отсутствии идейного воспитания внутри коллектива на основании лишь того, что судья З.М. Сибенберг посещала в 1950 г. в колонии осужденного мужа²⁵.

Десятилетие с середины 1940-х до середины 1950-х гг. характеризовалось значительным влиянием государства на вопросы семьи и брака – во многом за счет введения новых правовых механизмов, затруднивших бракоразводный процесс. Помимо процессуальных сложностей и необходимости уплаты более высокого налога, за счет требования обязательного опубликования объявления о разводе в газете, усилилось давление на пары, решившие развестись, по месту работы. Но все меры руководства оказались запретительного, сдерживающего характера, поэтому не могли способствовать оздоровлению семьи. Суду же, как посреднику в этой политике, выпала неблагоприятная роль сдерживающего механизма: качество его работы измерялось количеством отказов в разводе – чем меньше их выносил суд, тем хуже он работал. Но все эти меры не смогли предотвратить, как уже указывалось, растущее количество разводов. Поэтому суд на защите семьи²⁶ – это скорее ирония над тем положением, в котором оказался советский суд в рассматриваемые годы, чем реальное положение сил. «Защи-

---

Chelovek pered sudom, Sost. Borodankov A.P., L., 1965, S. 241.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 7. Д. 13. Л. 16.

TsGAIPD SPb, F.1711, Op. 7, D. 13, L. 16.

²³ Там же. Оп. 3. Д. 9. Л. 19.

Ibid, Op. 3, D. 9, L. 19.

²⁴ Там же. Д. 10. Л. 32, 33.

Ibid, D. 10, L. 32, 33.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 90. Л. 24.

TsGA SPb, F.8134, Op. 1, D. 90, L. 24.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 24. Л. 48.

TsGAIPD SPb, F.1711, Op. 1, D. 24, L. 48.

щал» семью закон и партийный актив, порицавший на собраниях лиц, не сумевших построить здоровую семью.

Семейная жизнь судей была под такой же «защитой», как и остальных советских граждан: она также подвергалась постороннему взгляду и обсуждению, среди судей также были разведенные люди и собирающиеся развестись – всему этому в то время давалась однозначно негативная оценка, лишая советского гражданина такого фундаментального личного права, как свобода совести, определяя семью и брак в тиски авторитарного контроля.

Список литературы:

1. *Коробейникова Н.С.* Динамика разводимости в городах Сибири в годы второй мировой войны // Проблемы исторической демографии Сибири: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2015. С. 214–234.
2. *Лебина Н.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 203 с.
3. *Тадевосян В.С.* Советская семья и социалистическое право. М., 1979. – 94 с.
4. *Тархов В.А.* Советское семейное право. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1963. – 103 с.
5. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979. – 367 с.

SOVIET COURT FOR THE PROTECTION OF THE FAMILY (BASED ON THE COLLECTION OF PAPERS OF THE LENIN- GRAD CITY COURT)

Ekaterin Dolgopolova

The Saint Petersburg Institute for the History, the Russian Academy of Sciences, the Department of Modern History of Russia, *Saint Petersburg, Russia*

Article is devoted to activities of the Soviet judicial system for consolidation of institute of marriage in the mid-forties – the beginning of the 1950th on the example of Leningrad. At this time especially strong was an influence of the state on questions of a family and marriage, and the court became the convenient tool in hands of the power. On the basis of the attracted archival materials the author analyzes participation of judicial authorities in permission of the civil and criminal cases affecting marriage bases. In article the emphasis on an educational component of this work is placed. The author comes to a conclusion that the Soviet judge turned out in such legal and ideological and world outlook conditions that not only could not execute the function of "protection of a family" without thinking about party and higher departmental bodies, but also itself it appeared on position of the oppressed right of liberty of conscience.

Keywords: the Soviet judicial system, the Leningrad city court, the national judge, Management of the Ministry of Justice across Leningrad, the Soviet family.

Об авторе:

ДОЛГОПОЛОВА Екатерина Владимировна – аспирант, кафедра современной истории России, Санкт-Петербургский институт истории, РАН, (197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7), e-mail: Caterina.dolgopolova2011@yandex.ru

About the author:

DOLGOPOLOVA Ekaterina – post-graduate student, the department of Modern history of Russia, the Saint Petersburg Institute for the History, the Russian Academy of Sciences, (197110, Russia, St. Petersburg, Petrozavodskaya St., 7), e-mail: Caterina.dolgopolova2011@yandex.ru

References:

- Korobeinikova N. S., *Dinamika razvodimosti v gorodakh Sibiri v gody vtoroi mirovoi voiny*, Problemy istoricheskoi demografii Sibiri, Sbornik nauchnykh trudov, Novosibirsk, 2015, S. 214–234.
- Lebina N., *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'*, М., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 203 s.
- Tadevosyan V. S., *Sovetskaya sem'ya i sotsialisticheskoe pravo*, М., 1979. – 94 s.
- Tarkhov V. A., *Sovetskoe semeinoe pravo*, Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1963. –103 s.
- Kharchev A. G., *Brak i sem'ya v SSSR*, М., 1979. – 367 s.

Статья поступила в редакцию 24.11.2016 г.